
ТЕОРИЯ

В. В. СОКОЛОВ

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА КАК СТЕРЖЕНЬ ВЫЯВЛЕНИЯ ЕДИНСТВА ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ПРОЦЕССА

Историко-философские исследования, особенно те, что ориентированы на учебное восприятие, обычно исполнены в персоналистском изложении, в котором преобладает эмпирический, так сказать, «позитивистский» уровень пересказа философских учений. В их теоретическом осмыслении, особенно у нас во времена обязательности марксистской методологии, господствовало возведение к «общему знаменателю» материализма или идеализма в их противостоянии и даже «борьбе». Другой дуализирующий принцип состоял в выявлении противостояния метафизики и диалектики. При этом конкретно-историческое изображение как первого, так и второго принципа сплошь и рядом не достигало должной убедительности. К тому же материалистическо-идеалистическая дуализация индивидуального человека приводила к забвению – на грани игнорирования – его реальной «природы», часто растворяемой в социальной системе координат. Конечно, нельзя утверждать, что в условиях господства названной методологии субъект-объектная парадигма полностью игнорировалась. Однако она трактовалась лишь в гносеологическом аспекте, подчиняясь материалистической или идеалистической интерпретации.

Согласно автору данной статьи, максимальная проблемная убедительность рассмотрения и изложения мировоззренческого, а затем и философского процесса достигается, когда основой его исследования и изображения становится «человеческая природа» – как тотальный субъект в его противостоянии природному, а затем и цивилизационному объекту, так и во взаимодействии между ними.

Рассмотрение этого процесса должно быть осуществлено в условиях подчинения хронологической последовательности выявлению мировоззренческо-философского своеобразия данной эпохи. Идейная переключка через века и тысячелетия – персонально и индивидуально – в то же время демонстрирует единство историко-философского процесса, и субъект-объектная парадигма оптимальна для его углубленного понимания.

Конкретизации субъект-объектности философского знания необходим термин *«верознание»*, объединяющий как деятельностьную сторону человеческого существа в его опоре прежде всего на чувственную информацию, так и на приобретаемую в процессе опыта понятийную расширительность интеллекта. Философско-гносеологическая вера принципиально отлична от религиозной авторитарно-догматической веры, противопоставленной критическому воздействию знания и черпаемой в Священном Писании.

Тотальные построения философии опираются на два метода – эмпиристский, взывающий к чувственной информации, и рационалистский, апеллирующий к интеллектуализированной всеобщности. В реальности они действуют совместно, а различие наук определяется преобладанием того или иного из этих методов (науки гуманитарно-социальные и естественно-математические). Прямая зависимость зрелости науки – результат гармонического сочетания обоих этих методов. При этом систематична роль интуиции, демонстрирующей конкретность верознания и необходимой для решения этих методов.

Сложность историко-философского процесса определяется также отношением философии к тому, что выражается словом *«мировоззрение»*. От философии оно отличается меньшей определенностью и системностью, применяясь в различных контекстах. Говорят о мифологическом, религиозном, нравственном, естественно-научном, художественном мировоззрениях, которые во всех случаях выражают убеждения, системно малообоснованные и не всегда или мало опирающиеся на достаточность фактов. В свете сказанного, по убеждению автора, философия должна быть определена как *максимально рационализированное мировоззрение своей эпохи*. В комплексе верознания прежде всего наука определяет содержание второго компонента. Конечно, философия никогда не была не-

кой абстракцией, хотя она возникла и всегда развивалась в том или ином направлении.

Непросто их определить. Но все же науку следует понимать как *специализированное* знание (которому *учат* им овладевшие), имеющее прежде всего *практическое* применение – удовлетворение конкретных потребностей человека. Эмпирический фактор сам по себе – способ проб и ошибок, который интеллектуализируется по мере антропологизации субъекта и создаваемой им цивилизации. Изучение мировоззренческо-философской эволюции – от египетско-вавилонской к весьма развитой теоретико-дедуктивной методологии в Древней Греции – представляет большой интерес.

Максимальная рационализация мировоззрения, приведшая к философии, не означает, однако, его тотальной рационализации, которая стерла бы всякие границы между наукой и философией. Пифагорейцы – представители одной из главных философских школ античности, открыли некоторые моменты, не поддающиеся осмыслению, в интенсивно развиваемой ими геометрии. Тупиковые ситуации, раскрываемые в дальнейшем и в некоторых других науках, дали впоследствии основание для появления термина «*иррационализм*», смысл которого диаметрально противоположен термину «*рационализм*».

Но здесь необходимо принимать во внимание другой первостепенный момент, без которого невозможно трактовать возникновение философии и ее дальнейшую эволюцию, рассматривая всю эту проблематику в контексте субъект-объектности. Рационализация мировоззрения как путь к философии имеет место в условиях достаточно развитой цивилизации, каковой в древности стала древнегреческая. Но в египетской и шумеро-вавилонской цивилизациях таких условий не было, в частности и потому, что наука осталась здесь на эмпирическом уровне. Но в некоторых документах – и не только в религиозно-мифологическом контексте – фигурирует *проблема человека* как морального существа. В так называемых «*поучениях*» ставятся *императивные* рекомендации различным людям о лучшем и достойном поведении в различных жизненных ситуациях. А императивность стимулирует мысль к всеобщности, которая перспективна для будущей философии, и если обратиться к древнегреческой духовности, то хорошо известно, что собственно философии здесь предшествовала *софия*, которую формулировали

так называемые «семь мудрецов» (в действительности их было значительно больше). Среди их гном были и знаменитое «познай самого себя», и «золотое правило» морали, прошедшее затем через всю историю философии (фигурирующее и в двух Евангелиях Нового Завета).

Субъект-объектная парадигма, разумеется, ориентирована на разноаспектное осмысление человека, которое, конечно, невозможно ограничить только моральной его компонентой. Волевое начало, без которого невозможны фактор веры и вся сфера эмоциональности, тоже должны быть отнесены к сфере иррациональности. Сверхсложность человеческого субъекта, туманная, если не фантастическая, перспектива загробного существования и множество загадочных явлений в психических, интеллектуальных феноменах человеческой ментальности, как и в окружающем мире, предопределяют перерастание философско-гносеологической веры в веру фидеистическую, невозможную без *мистики*, этой крайней формы иррационализма. Она особенно присуща монотеистическим религиям, в частности христианству с его догматом сверхъестественного творения Богом всего сущего «из ничего». Догматы «позитивных» вероисповеданий, ориентированных на массовое восприятие в христианстве, мусульманстве и других монотеистических доктринах, многократно подвергались и подвергаются рационализированным стремлениям к их ограничению. Происходит конвергенция (как и дивергенция) мировоззренческих форм, что весьма осложняет понимание предмета и характера философии.

Трудность и своеобразие человеческого субъекта характеризуются и тем, что он одновременно является объектом уже на телесном уровне, поскольку концентрирует бесчисленное многообразие всего бытия. Здесь необходимо обратиться к проблеме жизни, возникновение которой фиксирует его раздвоение и предпосылку развития будущего духовно-телесного субъекта. Проблема жизни в данном контексте осмысливается прежде всего в ее биологическом содержании.

Оно и составляет суть того, что именуется словом «природа», составляющую тот первоначальный объект, с которым человек взаимодействует и в который он включен от рождения до смерти. Как в русском, так и в греческом (*phyomai*) и латинском (*nascor*) языках сама этимология этого слова (*рождаться, происходить*)

свидетельствует о животворной сути этого понятия. К тому же она расширяется при наблюдении движения небесных светил, на которые переносятся признаки органической и даже собственно человеческой жизни. Тем самым и физическое бытие как бы отождествляется с органическим, образуя тотальное понятие природы, хотя, строго говоря, такое отождествление некорректно.

Носителем и синонимом жизни в ее бесчисленных проявлениях выступает все усложняющийся *организм*. Его осмысление составляет первостепенную задачу уже на дофилософской стадии, и тем более на философской. Вектор субъект-объектной парадигмы, в которой организм становится синонимом жизни, направлен ко все более расширительному пониманию идеи целостности уже не просто в ее биологическом содержании, а к осмыслению человеческого субъекта во всех аспектах его деятельности. Однако на дофилософской стадии господства мифологического мировоззрения, которое слагалось на путях стихийной аналогии между индивидуальным и коллективным субъектом (антропосоциоморфизм) и тотальностью внешней природы, последняя как живая целостность воспринималась недифференцированно: целостность поглощала частичность. Племенной, этнический коллектив по преимуществу и признавал себя, как, с другой стороны, индивидуальный субъект признавал себя неотъемлемостью этническо-племенного.

В процессе трудовой практики, расширения и углубления познавательного аналитизма, редукции сложного ко все более простому выявлялись *частные* элементы природы, конкретизировались связи органической (живой) природы с неорганической (неживой) материей. Все более всесторонне уяснялось отличие человечества от природы. Умножавшиеся более простые элементы природы в руках человека становились орудием и материалом в строительстве тела цивилизации. Такого рода частичное знание вместе с его результатами в контексте субъект-объектной парадигмы следует обобщать грекоязычным термином *механистический* (*механистский*, *механизм* от *techane* – орудие). Предельно суженный в ньютоновской механике, в свете названной парадигмы он, напротив, максимально расширяется. Органицизм – понимание целостности, механицизм – частичности. То, что в философии трактуется как идеализм, следует относить к сфере органицизма, а ма-

териализм, соответственно, – к сфере механицизма. Первый взывает к *телеологии*, а второй противопоставляет ей *детерминизм*.

Таким образом, мы установили главный объект, каковым является природа в широком смысле этого понятия. Цивилизация – некая «середина» между субъектом и объектом, специфический «посредник» между ними. В свою очередь, субъект – достаточно сложный комплекс в его деятельности. История цивилизации, осмысливаемая философией, свидетельствует, что *коллективный субъект* – этнический, национальный («дух народа»), по Гегелю, *предшествует индивидуальному*, хотя чисто онтологически, бытийно существует только последний. Другим аспектом коллективного субъекта следует считать *социально-групповой*, классовый (особенно в марксистской традиции). Его воздействие на философию наиболее интенсивно проявляется в ее социально-политических разделах, в особенности в собственно политических учениях.

Третьей (и главной) разновидностью субъекта является *личностный субъект* – непосредственный творец всех философем. Можно утверждать, что степень трансформации любой разновидности мировоззрения в философское прямо пропорциональна его личностному содержанию, сколько бы творческий индивид ни был тесно связан – уже через язык – с национальной и тем более групповой коллективностью. Его творческая суть пропорциональна его воле к истине и выражена его подлинной *надпартийностью*, яркий пример которой уже продемонстрировал Сократ.

Конечно, интенсивность и результативность деятельности субъекта во всех трех его проявлениях, и более всего – в индивидуально-личностном, теснейше связана с дифференцированностью и динамизмом цивилизации, первостепенный элемент которой он составляет. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что даже человеческий организм, интуитивно рождающий идею целостности, с одной стороны, сознает, что всегда устойчивому неорганистическому бытию присуще понятие *категория вечности*, ее непрерывно меняющееся собственно природное бытие, противостоящее и неотделимое от фактора субъектности, не может быть осмыслено вне категории *времени*. Именно этот фактор свидетельствует о *нарастающей активности субъектного начала*. При осмыслении миллиардно-миллионных изменений Земли ученые говорят о геологическом времени. При истолковании эволюции жизни говорят

о биологическом времени. Аналогично философам при осмыслении трансформации действующего и познающего человека в условиях цивилизации необходимо употреблять понятие *субъектного времени*. Его решающая особенность – течение с нарастающим ускорением при приближении к современному человеку (*homo sapiens*), тем более в мире человека как непосредственно субъекта. Относительно него можно говорить и о *субъективном времени* как показателе активности конкретного индивида.

Античная, средневековая, да и последующая история философии выдвинули фундаментальные понятия субъект-объектности, историческая трансформация которых концентрировала важнейшие в развитии гносеологические, онтологические, антропологические, этико-социальные вопросы. Одной из них стало динамичное сочетание *микро- и макрокосмоса* (термины Демокрита). Их тождество, характеризующее различимость субъекта и объекта, в ходе развития и по мере вторжения механистического начала в органистическое трансформируется в параллелизм, когда субъектное начало берет верх над объектным, отнюдь не нивелируя его, но углубляя понятие личности субъекта и дифференцируя, усложняя природный и цивилизационный объект, тем самым усложняя содержание философии (в частности, досократовский и послесократовский этапы древнегреческой философии, как затем и послеаристотелевский).

Другая весьма значимая проблема субъект-объектной трактовки философии – истолкование природы как искусства, как результата человеческой деятельности, приводящей к нарастанию техногенности цивилизаций. Здесь философская проблематика тесно соприкасается с теологической. Бог оборачивается к человеку своей *мистифицирующей* функцией как сверхприродный актуально бесконечный и бестелесный субъект, творящий мир «из ничего», но «списанный» с высших духовных свойств человека. Он поощряет человека своей *интеллектуализирующей* функцией ко всеглубокому познанию природного бытия и собственной духовности.

Разумеется, в небольшом объеме данной статьи мы смогли затронуть в свете субъект-объектной парадигмы лишь некоторые фрагменты философского океана.